

УДК 94(47)''8/11'':291.32(045)

*А.С. Фогель***ПРОРОКИ И ПРОРОЧЕСТВА В ДРЕВНЕЙ РУСИ IX–XII вв.
В ЗЕРКАЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ИНОСТРАННЫХ ИСТОЧНИКОВ**

Работа посвящена исследованию особенностей отображения людей Средних веков, непосредственно связанных с будущим – пророков, предсказателей, медиумов Древней Руси в различных отечественных и иностранных источниках. Основное внимание уделено особенностям отображения сведений в источниковых традициях, их анализу и выделению стереотипических взглядов и черт пророков и предсказателей, характерных для различных источников. На основе данного анализа выделяются и характеризуются основные категории предсказателей традиционного христианского и языческого общества Древней Руси IX–XII вв. В работе систематизируются основные типы людей, «работающих» с будущим – сами пророки (волхвы, жрицы, князья) и толкователи пророчеств (древнерусская и скандинавская дружинная среда). Основными источниками сведений о будущем в источниках выступает Бог (или боги), а также мертвые предки. Проблема рассмотрена на основе современных достижений отечественной науки.

Ключевые слова: раннее средневековье, Древняя Русь, древние скандинавы, арабы, волхвы, пророчества, христианство, язычество.

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-3-585-593

Интерес человека раннего средневековья Восточной Европы к знанию своего будущего и попытки изменить его на основании полученной информации является достаточно значимой для исследований темой, так как дает возможность понять духовный мир человека на переломе языческой и христианской картин мира

Однако при исследовании данной темы мы сталкиваемся сразу с несколькими особенностями источникового материала: его разнородностью, определенной отрывочностью, влиянием времени написания и вероисповедания самих авторов.

Основными источниками о взаимодействии древних русов с будущим в раннем средневековье выступают:

1. Древнерусская (и, возможно, древнефинская [41, с. 150–151]) языческие традиции, дающие «взгляд изнутри». Но они были еще бесписьменными, а письменная традиция была надолго монополизирована христианами, для которых пересказывание языческих мифов и ритуалов являлось неприемлемым как бесовщина [20, с. 192]. И самое главное, общее восточнославянское (или древнефинское) язычество как единая и универсальная система просто не успела сложиться [16, с. 229–230]. Не появилось у них и сколько-нибудь серьезной религиозной организации [23, с. 312]. Все это, как считают исследователи, было одной из существенных причин распространения христианства на Руси и значительно облегчило принятие новой религии в славянской среде [40, с. 61]. Часть материалов этих традиций все же попала в отечественные и иностранные источники, но была истолкована с позиций других мировоззрений.

2. Древнерусский княжеский языческий культ (до 988 г.) – отражен в христианских источниках, но может быть вычленен и проанализирован на основе аналогий и реконструкций. Основной акцент здесь делается на то, что князь, а в особенности князь-Рюрикович, – личность особенная. Он выступает как главный жрец своей страны, устроитель государственной территории и прямой родственник богов [5, с. 163–165]. Поэтому князь должен быть связан с предвидением будущего [11, с. 61] – сам быть пророком или интересоваться своим будущим у профессионалов. Именно князю надлежит общаться с богами и получать от них послания. Ведь князь несет ответственность не только за себя, но и за дружину и весь свой народ [14, с. 99]. Однако случай князя Олега как князя-предсказателя – единственный в древнерусской традиции, да и то дискредитированный христианским интерпретатором [13, с. 161–162]. Этот случай представляет ситуацию, где будущее не только открывается перед князем «знающими людьми», но он сам делает попытку изменить не устраивающее его предначертание [5, с. 469], однако терпит неудачу. Таким образом, оказывается, что даже князья и пророки над судьбой не властны, хотя борьба с судьбой и пренебрежение неблагоприятными предсказаниями в рамках эпической традиции – проявление истинного богатства [5, с. 462]. Для сравнения, когда

христианский князь Глеб оказался в подобной ситуации – его конь сломал ногу и повредил ногу князя (то есть в рамках мифологического мировоззрения Глеб начал умирать [30, 140]), что и было истолковано окружающими как дурное предзнаменование [27, с. 292], то князь отказался от идеи прервать свой путь и повернуть назад, то есть смиренно принял свою судьбу.

3. Древнерусская дружинная языческая традиция (также выявляется на основе анализа христианских источников), связанная с фигурой князя как ее предводителя и максимально выраженное воплощение, а также с особенностями дружины как коллектива с максимально героическим (и, следовательно, мистическим) мировоззрением [34, с. 239]. Дополнительным фактором выступает знакомство русских дружинников со скандинавской устной героической традицией, причём, есть предположения, что некоторые сюжеты, попавшие затем в Скандинавию, зародились на русской почве [6, с. 518]. В результате именно князья как предводители дружины, получают пророчества, но именно дружинники чаще всего оказываются теми, кто может эти пророчества растолковать. Само собой, что это может далеко не каждый дружинник. Дружина, как одновременно и живая, и ритуально-мертвая (постоянно перемещается по «чужим» – «мертвым» пространствам), в представлениях самих дружинников, на время приобретала свойства как самого князя – на них ложился отсвет его колдовской и божественной силы, а также и как те, кто приобщался к мудрости и тайным знаниям мертвых предков [15, с. 344]. Ведь в героической среде каждый шаг человека наделялся неким определённым (хотя и не всегда высшим) значением [3, с. 180]. Так что некоторые дружинники оказывались достаточно мудры, чтобы воспринимать тайные знаки судьбы.

4. Книжная древнерусская христианская церковная традиция с запросом на «чудесные события». Русь с конца X в. официально становится христианской страной и центром православия (хотя христианизация шла до XII–XIII вв. [12, с. 129]), поэтому возникает вполне обоснованная и официальная потребность в пророчествах и предсказаниях как части «чудесного» [10, с. 302]. События, связанные с «чудесами», рассматривались не только сами по себе, а как имеющие дополнительные сакральные и нравственные смыслы, подводящие к моральным выводам и «урокам». Поэтому часть пророчеств домысливалась самим книжником в силу морального контекста или «грандиозности» – когда очень значимое событие не могло произойти «просто так» [5, с. 401–402]. Также в рамках этой традиции дается объяснение пророчествам, связанным с язычниками. И выводится мысль, что пророчества могут быть как от Бога, так и от Дьявола, и одни предостерегают истинных христиан, другие же испытывают крепость их веры и провоцируют на греховные действия [5, с. 405]. И следует их различать, что доступно только священникам и боговдохновенным людям. И сама цель летописца, дающего в тексте пророчества язычников – посрамить их как покусившихся на то, что выше их понимания, а доступно только адептам веры истинной [18, с. 1252–1253].

5. «Княжеская» христианская традиция (после 988 г.), идущая от Ярослава Мудрого и связанная с идеей, что если Русь является одним из мировых центров христианства, а династия Рюриковичей – не просто священная династия, а династия крестителей, то предсказания и пророчества, с ними связанные, должны быть. Одновременно князь и его представители брали на себя долг распространять и утверждать в своих пределах истинную веру и бороться с лже-пророчествами и «дьявольскими кознями». Поэтому именно князья (Глеб Святославич) и представители княжеской администрации (Янь Вышатич) оказываются на переднем крае идеологической борьбы, тем более что волхвы «атакуют» и появляются даже не только на глухих окраинах (Суздальская и Ростовская земля), а в самых христианских местах – в Киеве и Новгороде, смущая народ так, что за ними идут сотнями и встают на их сторону, убивая рядовых священников и угрожая убить епископов [12, с. 153]. Так что князья (и их доверенные дружинники), вступая в беседы и даже богословские споры с волхвами и неизменно побеждая их, совершают подвиги во имя веры, подтверждают свою роль и еще больше поднимают свой авторитет [21, с. 320]. В некоторых сообщениях выводится идея превосходства князей и их подручных не только над волхвами, но и даже над священниками. Так, в отряде Яня Вышатича священник (видимо с проповедью смирения), гибнет в первую очередь [22, с. 46], а в случае князей Глеба Святославича и Ярослава Мудрого [10, с. 27] – именно они, а отнюдь не представители христианской церкви почти в одиночку противостоят волхвам-язычникам и толпе новгородцев.

6. Скандинавская саговая дружинная традиция – по отношению к ней древнерусская дружинная традиция выступает дочерней. Но записана она была только в XIII веке. Скандинавы-дружинники воспринимали Древнюю Русь двояко. С одной стороны, Русь виделась им страной, очень похожей на родную Скандинавию (стереотипичное представление о «чужой» стране как о «своей» или «почти своей», свойственно многим народам, но здесь это проявляется очень отчетливо) а с другой – высту-

пала неким аналогом Страны Финнов, то есть загадочной, неизведанной, страны колдунов, полной опасностей и непонятных обычаев. И если Русланд-Гардарики, – это отражение самих скандинавов, то предсказания и предсказатели должны быть здесь в обиходе. По источникам оказывается, что предсказателей здесь много [4, с. 135] а главная из них – мать самого местного конунга [33, с. 101] (первая аналогия, которая напрашивается, – это отражение в сагах Ольги, бабушки (а не матери) князя Владимира, но ко времени восхождения Владимира на престол Олега умерла, а при Святославе – никак не отразившемся в сагах [11, с. 65] – она правила, скорее, одна – князь был в основном в дальних походах), но пророческие способности обнаруживаются и у Ингигерды (Ингибьёрн, Аллогия) – жены (а не матери) князя Ярослава Мудрого [2, с. 167]). Вообще женщины-предсказательницы и жрицы – традиция скандинавской мифологии, где самой известной предсказательницей была мертвая великанша Хель [31, с. 11], а также есть и норны, занимающиеся прядением судьбы, существовала также валькирическая традиция воинственных дев-вестниц Одина [19, с. 99]. Так что традиция «вещих женщин» при дворе конунгов Хольмгарда вполне могла оказаться не «местной особенностью», а перекочевать из Скандинавии. Похожая ситуация с женщинами-жрицами и пророчицами описана сагами в Бьярмланде (относительно неподалеку от Руси?), даже сравнение главной жрицы с Хель там присутствует [32, с. 270]) Интересно совпадение, что большинство предсказателей-волхвов, действующих на Руси, не славяне и не скандинавы, а финно-угры (впервые подобная точка зрения была высказана еще Н. М. Карамзиным [39, с. 352]), и это при том, что с точки зрения скандинавов, самые сильные колдуны (а следовательно, и предсказатели) имеют финское происхождение [22, с. 38]. Русь не рассматривалась как финский край, но была достаточно близка к финским окраинам. Правда, тут есть некоторое несовпадение – скандинавы говорят о сильных финских колдунах и их знает древнерусская традиция (по крайней мере, финское происхождение волхвов возможно предполагать в некоторых случаях), а сами скандинавы говорят о действиях на Руси только «вещих женщин» и не упоминают о мужчинах в качестве колдунов или же предсказателей, кроме одного случая [2, с. 170].

7. Арабская средневековая традиция, представленная, сочинением Ибн Фадлана [7, с. 67–77], где описывается обряд погребения одного из предводителей, подчиненных киевскому князю, имеющему свою собственную дружину [19, с. 95]. С одной стороны, это, по сути, единственный случай, когда в рамках арабских сочинений речь заходит о русских пророках и пророчествах, а с другой – это этнографический материал, то есть автор сам встречался с русами (хотя и не на территории самой Руси) и общался с ними (хотя бы и через переводчика). Интересен данный отрывок тем, что писал очевидец, до того ни разу на Руси не бывавший, но русов видевший сам и непосредственно. Но интересовался он в первую очередь всем наиболее непохожим, непривычным, шокирующим для обычного жителя халифата [25, с. 103]. Поэтому мог где-то и преувеличить, в угоду публике и моменту, а где-то мог не разобраться и перевернуть материал [9, с. 38–40]. «За» то, что Ибн Фадлан описал увиденный им ритуал, выступает то, что описанное им совпадает с археологическими находками славянских и скандинавских погребений и соответствие скандинавской литературной и эпической традиции [24, с. 73]. Арабский путешественник так и не имел дела с профессиональными предсказателями-волхвами, возможно, так сказало «место встречи» – берега Волги не были территорией постоянного обитания славян, здесь существовали лишь временные лагеря или фактории, носящие сезонный характер [38, с. 135]. Но даже здесь он отмечает присутствие некоей девушки-медиа, которая в своих видениях прозревает картины «того света» (правда, исходя из описания не совсем понятно, действительно ли девушка прозревала эти картины или же, согласно известным ей условиям ритуала, она должна была «увидеть» именно это – то есть каждый раз произнести определённую и всеми ожидаемую «этикетную» фразу) и старуху-«ангела смерти» (скорее всего, профессиональную жрицу), которая и выступает распорядителем процесса похорон. Мы опять сталкиваемся с тем, что с пророчествами-предсказаниями-проклятиями, как и у скандинавов, оказываются связаны женщины русов. А мужчин-жрецов Ибн Фадлан в своих сочинениях не отмечает. Но данный случай носит уникальный характер, так что говорить о том, что всем «чудесным» ведают исключительно женщины, мы все же не можем. Тем более, что истолкование происходящего он получает от мужчины и, скорее всего, дружинника [36, с. 478], так что и они оказываются посвящены в ритуалы, связанные с переходом в загробный мир, и могут сами их истолковывать (как в случае с приметам, посвященными сожжению погребенного [7, с. 76]). И это сближает все источники традиции. Интересна также ситуация, что русы в своих ритуалах совсем не таятся от иностранцев (и иноверцев), и даже дают им достаточно подробные разъяснения по поводу происходящего. Из источников следует, что вера язычников в чародейский дар волхвов, кудесников, была безгранична [18, с. 1253]. Другое дело, насколько понял и

истолковал эти объяснения представитель совсем иной культуры, так как общались они все же не напрямую, а через переводчика и это был не долгий разговор, а мимолетная беседа [29, с. 84], так что возможна даже не одинарная, а двойная переадаптация материала.

Если выводить из источников некую общую картину, то получается следующее. Языческие боги и духи, а также христианский Бог – каждый по-своему, по всеобщему убеждению [5, с. 398], знают будущее и сокрытое, но далеко не все люди умеют узнавать у них будущее, а если они дают предзнаменования, видимые всем, то далеко не все могут их понять и правильно истолковать. Причем, заметна характерная деталь – круг «провидцев» (тех, кто пророчит и видит будущее непосредственно) несколько уже круга «толкователей» (тех, кто может понять, что это было именно пророчество и, самое главное, знает, как его трактовать для обычных людей и даже, что тоже характерно, для «провидцев»). Зачастую «пророк» в источниках не осознает или же не вполне осознает изреченное им. Оба круга, впрочем, носят в источниках элитарный характер. Так или иначе с будущим в древнерусских землях оказываются связаны:

1. Жрецы-волхвы-колдуны (предсказатели-профессионалы), причем предсказание будущего является почти обязательной чертой колдуна [37, с. 110], в ней проявляется его сущность. Встречаются в древнерусской и скандинавской источниковых традициях. Для волхвов свойственна апелляция к Велесу, выступавшему не только как бог богатства и скота, но и бог мертвых, связывающих «наш мир» и «тот свет» [35, с. 74]. Они получают знания напрямую от богов. При этом существует какая-то связь между пророчествами и смертями – чаще всего для волхвов, упоминаемых в текстах, их пророчества заканчиваются смертельным исходом. И непонятно, проявляется ли пророческий дар накануне смерти (и таким образом выступает одним из признаков ее приближения) или же это идея ответственности пророка за свои действия. В любом случае пророки (а часто и их «клиенты») связаны со смертью. Часть исследователей также связывают активизацию пророческих движений с кризисом традиционного языческого родового общества и эсхатологическими настроениями. [21, с. 318]

2. Князя в древнерусской традиции как, с одной стороны, главные жрецы (и уже поэтому сильные колдуны) своих стран [28, с. 323], чаще всего, жрецы Перуна как бога князей и войны [35, с. 305] (поэтому эпизоды, связанные с Олегом и конем, Ярославом Мудрым и медведем можно рассматривать как отражение противоборства Перуна и Велеса – основного конфликта славянской мифологии [8, с. 45–48]), а с другой стороны они, как предводители дружины, связаны с «миром мертвых», хранящих тайные знания обо всем, ведь с точки зрения человека Средних веков будущее еще не свершилось для нас лично, но в принципе оно уже произошло [5, с. 459], так что контактирующий с мертвыми знает не только о прошлом, но и о будущем, поэтому князь провидит будущее, но почти никогда не толкует его;

3. Княжеская дружина в древнерусской и скандинавской традиции – дружина никогда не предсказывает будущее, но часто его толкует, в силу своей тесной связанности с князем (они тоже контактируют с мертвыми и периодически превращаются в неких ритуально-мертвых [15, с. 342]) и общей маргинальности, оторванности от привычной обычным людям родовой среды (кстати, сами дружинники эту оторванность осознают и стремятся, с одной стороны, создать новую общность – собственно дружина с объединяющими ее обычаями и ритуалами [24, с. 88–89], иерархией и противопоставленностью всем остальным общностям, а с другой стороны – имитировать привычные общности – ту же семью с традициями побратимства и разделением на «старших» и «младших» [17, с. 25]), причем в глазах остальных эта оторванность и противопоставленность тоже делает их мертвыми, хотя бы для своих прошлых общностей, то есть связанными с «тайными знаниями» и мудростью мертвых. Возможно, в том, что дружина только толкует чужие пророчества, также проявляется своеобразная «иерархия» – князь остается вождем всегда, дружина ему подчинена и не может его превзойти. Это князь должен выступать образцом во всем [5, с. 165], а дело дружины – помощь князю;

4. Мать князя Гардарики и его жена – главные жрицы своих стран, знающие скрытое и владеющие тайнами будущего – возможно, в силу уже принадлежности к княжескому роду и тогда, как и в случае с дружиной (которые тоже княжеская «семья»), на них падает отсвет силы князя (хотя как раз конунги Гардарики обычно не пророчествуют), с другой стороны – это может быть отражением реальных правительниц Руси (княгиня Ольга) – мудрых и прославленных сами по себе, а также из-за своего преклонного возраста (они «ближе» к мертвым). Для сравнения, в сагах о Бьярмланде называется просто правительница (или же главная жрица) без привязки к мужчине-правителю, что, возможно и говорит о матриархате. Эти вещие родственницы князей прорицают будущее, но не толкуют. Данные образы свойственны только скандинавской традиции. Имя княгини Ольги и ее прозвище –

Хитрая, могли бы связывать ее с тайным языческим знанием [30, с. 17–18], но в летописях ничего подобного не упоминается. В арабской традиции аналогом этих правительниц выступает «ангел смерти» – она тоже женщина, тоже преклонных лет и тоже, судя по всему, жрица [19, с. 97]. Ее даже сопоставляют с Бабой-Ягой из русских сказок [26, с. 302–304]. Но при этом в описанном эпизоде она связана и с мертвыми, и с властью над живыми, выступая распорядителем на похоронах вождя, она также связана с мертвыми и своим возрастом, но никаких пророчеств не изрекает.

5. Девушки-медиумы – упоминания встречаются только в арабской традиции, выступают в связке с «ангелом смерти» и «дар», если его возможно так назвать, обретают только в связи с приближением собственной смерти и в связи со смертью вождя русов, выступая его ритуальной женой. И в этом качестве ее образ может быть сближен с категорией дружинников – она видит мир мертвых потому, что сама уже в каком-то смысле мертвая, добровольно отказавшаяся от жизни, мертвая ритуально и готовящаяся к своей смерти [1, с. 199] (правда, в отличие от самих дружинников, она никогда не толкует пророчеств), а с другой, она становится родственницей вождя и его харизма жреца и «знающего тайное» переходит и на нее. Поэтому она как бы соединяет в себе два источника получения доступа к будущему.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.

1. *Велецкая Н.Н.* О некоторых ритуальных явлениях языческой погребальной обрядности (к анализу сообщения Ибн Фадлана о похоронах «русса») // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. М.: Наука, 1968. С. 192–212.
2. *Глазырина Г.В.* Исландские викингские саги о Древней Руси. М.: Ладомир, 1996. 240 с.
3. *Гуревич А.Я.* Походы викингов. М.: КДУ, 2005. 186 с.
4. *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (до 1000 г.): Тексты, пер., коммент. М.: Наука, 1993, 304 с.
5. *Долгов В.В.* Быт и нравы Древней Руси. М.: Яуза, Эксмо, 2007. 512 с.
6. *Древняя Русь в свете зарубежных источников.* /под. ред. Е.А. Мельниковой, М.: Логос, 2001. 624 с.
7. *Ибн Фадлан.* Рисала // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. Том III: Восточные источники. М., Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. 264 с.
8. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М.: Наука, 1994. 340 с.
9. *Ковалевский А.П.* Ибн Фадлан как исторический источник // Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков: Харьковский ун-т, 1956. С. 38–71.
10. *Карпов А.Ю.* Ярослав Мудрый. М.: Молодая гвардия, 2001. 782 с.
11. *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Похвала щедрости, чаша из черепа, золотая луда... Контуры русско-варяжского культурного взаимодействия. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 192 с.
12. *Макаров Н.А.* Русский Север: таинственное средневековье. М.: Наука, 1993. 192 с.
13. *Мельникова Е.А.* Устная традиция в ПВЛ: к вопросу о типах устных преданий // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В.Т. Пашуто. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 153–165.
14. *Михайлин В.Ю.* Русский мат как мужской обценный код // Злая лая матерная... / под. ред. Ю.А. Михайлова. М.: Ладомир, 2005. С. 68–137.
15. *Михайлин В.Ю.* Русский мат как мужской обценный код: Проблема происхождения и эволюция статуса // Михайлин В.Ю. Тропа звериных слов: Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. М.: НЛЮ, 2005. С. 331–360.
16. *Назаренко А.В.* О язычестве славян // Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. С. 298–314.
17. *Никольский С.Л.* О дружинном праве в эпоху становления государственности на Руси. // Средневековая Русь. Вып. 4. М.: Индрик, 2004. С. 5–48.
18. *Новикова Н.В.* Провиденческое будущее в «Повести временных лет» и его творцы // Вестник ТГТУ. Тамбов: ТГТУ, 2004. Т. 10. № 4Б. С. 1251–1256.
19. *Петрухин В.Я.* Варяжская женщина на Востоке: жена, рабыня или «валькирия»? // Петрухин В.Я. «Русь и вси языци»: Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 90–100.
20. *Петрухин В.Я.* Древнерусский пантеон: итоги и перспективы междисциплинарных исследований. // Петрухин В.Я. «Русь и вси языци»: Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 192–199.

21. *Петрухин В.Я.* Древняя Русь: народ, князья, религия. //Из истории русской культуры. Т. 1. (Древняя Русь). М.: Языки русской культуры, 2000. 760 с.
22. *Петрухин В.Я.* Мифы финно-угров. М.: Астрель, АСТ, Транзиткнига, 2005. 463 с.
23. *Петрухин В.Я.* О древнерусских стереотипах в культуре: отношение к иноверцам и инородцам. // Петрухин В.Я. «Русь и все языцы»: Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 311–320.
24. Петрухин В.Я. Похороны руса. Погребения знати Эпохи викингов в описании Ибн Фадлана и данных археологии // Петрухин В.Я. «Русь и все языцы»: Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. М.: Языки славянских культур, 201. С. 73–89.
25. *Петрухин В.Я.* Репрезентация власти русского князя в древнейший период: Ибн Фадлан о власти русского князя и хазарская традиция // Петрухин В.Я. «Русь и все языцы»: Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 101–111.
26. *Петрухин В.Я.* Русь в IX–X вв. От призвания варягов до выбора веры. М.: Форум; Неолит, 2013. 464 с.
27. Повесть временных лет. Текст и перевод / под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Ч. 1. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 407 с.
28. *Пузанов В.В.* От праславян к Руси: становление Древнерусского государства. СПб., Изд-во Олега Абышко, 2017. 752 с.
29. *Пузанов Д.В.* Погребение руса в Поволжье и две разные стратегии бессмертия. //Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН, № 2 (9) 2020. С. 83–92.
30. *Пчелов Е.В.* Олег Вещий. Великий викинг Руси. М.: Молодая гвардия, 2018. 272 с.
31. Речи Высокого // Старшая Эдда. Эпосы, легенды и сказания. М.: АСТ, 2023. С. 19–45.
32. Сага о Стурлауге Трудолюбивом Ингольвссоне // Древняя Русь в свете зарубежных источников /под ред Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. Т. 5. Древнескандинавские источники. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. С. 266–276.
33. Сага об Олаве Трюгвассоне // Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. Т. 5. Древнескандинавские источники. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. С. 94–105.
34. *Сапронов П.А.* Русская культура IX–XX вв. Опыт осмысления. СПб., Паритет, 2005. 704 с.
35. Славянская мифология / науч. ред. В. Я. Петрухин, Т.А. Агапкина, Л.Н. Виноградова, С.М. Толстая. М.: Эллис Лак, 1995. 416 с.
36. *Стефанович П.С.* Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI вв. М.: Индрик, 2012. 656 с.
37. *Тимошук Б.А.* Языческое жречество Древней Руси (по материалам городов-святилиц) // Российская археология. М.: Наука, 1993. №4. С. 110–121.
38. *Толочко А.П.* Очерки начальной Руси. Киев, СПб.: Лаурус, 2015. 336 с.
39. *Халевин Н.В.* Явление волхва в Новгороде в 1071 г. в оценках отечественных историков // Палеороссия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях №2 (22). СПб.: Издательство СПбДА, 2023. С. 351–366.
40. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV вв. Погребальный обряд и христианские древности. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 2002. 269 с.
41. *Шинаков Е.А.* Менталитет и право Древней Руси: к интерпретации событий 1071 г. // Вестник Брянского государственного университета. Брянск: Изд-во БГУ, 2016. № 1. С. 147–156.

Поступила в редакцию 13.11.2023

Фогель Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры Философии и истории
ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет»
443090, Россия, г. Самара, ул. Советской армии, 141
E-mail: alexandr_fogel@inbox.ru

A.S. Fogel

PROPHETS AND PROPHECIES IN ANCIENT RUSSIA OF THE IX–XII CENTURIES IN DOMESTIC AND FOREIGN SOURCES

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-3-585-593

The work is devoted to the study of the peculiarities of the representation of people of the Middle Ages directly related to the future – prophets, predictors, mediums of Ancient Russia – in various domestic and foreign sources. The main attention is paid to the peculiarities of displaying information in source traditions, their analysis and allocation of stereo-

typical views and traits of prophets and soothsayers characteristic of various sources. Based on this analysis, the main categories of predictors of the traditional Christian and pagan society of Ancient Russia of the IX-XII centuries are distinguished and characterized. The paper systematizes the main types of people "working" with the future – the prophets themselves (magi, priestesses, princes) and interpreters of prophecies (Old Russian and Scandinavian *druzhinnas'* environment). The main sources of information about the future in the sources are God (or gods), as well as dead ancestors. The problem is considered on the basis of modern achievements of domestic science.

Keywords: early Middle Ages, Ancient Russia, ancient Scandinavians, Arabs, magi, prophecies, Christianity, paganism.

REFERENCES

1. *Velet'skaya N.N.* O nekotoryh ritual'nyh yavleniyah yazycheskoj pogrebal'noj obryadnosti (k analizu soobshcheniya Ibn Fadlana o pohoronah «russa») [On some ritual phenomena of pagan funeral rites (to the analysis of Ibn Fadlan's message about the funeral of "Russ")]/Istoriya, kul'tura, fol'klor i etnografiya slavyanskih narodov [History, culture, folklore and ethnography of Slavic peoples]. M.: Nauka, 1968. pp. 192-212. (In Russian)
2. *Glazyrina G.V.* Islandskie vikingskie sagi o Drevnej Rusi. [Icelandic Viking sagas about Ancient Russia]. M.: Ladamir, 1996. 240 p. (In Russian)
3. *Gurevich A. Ya.* Pohody vikingov [Viking campaigns]. Moscow: KDU, 2005. 186 p. (In Russian)
4. Dzhakson T. N. Islandskie korolevskie sagi o Vostochnoj Evrope (do 1000 g.) [Icelandic royal sagas about Eastern Europe (before 1000)]. Moscow: Nauka, 1993. 304 p. (In Russian)
5. *Dolgov V.V.* Byt i nrvy Drevnej Rusi.[Life and customs of Ancient Russia]. Moscow: Yauza, Eksmo, 2007. 512 p. (In Russian)
6. Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov. /pod. red. E.A. Mel'nikovoj ,[Ancient Rus in the light of foreign sources. /ed.by E.A. Melnikova], M.: Logos, 2001. 624 p. (In Russian)
7. *Ibn Fadlan.* Risala [Ibn Fadlan Risala] // Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov: Hrestomatiya /Pod red. T. N. Dzhakson, I. G. Konovalovoj i A. V. Podosinova. Tom III: Vostochnye istochniki. [Ancient Russia in the light of foreign sources: A Textbook /Edited by T. N. Dzhakson, I. G. Konovalova and A.V. Podosinova. Volume III: Eastern Sources]. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2009. 264 p. (In Russian)
8. *Ivanov V.V. Toporov V.N.* Issledovaniya v oblasti slavyanskih drevnostej. Leksicheskie i frazeologicheskie voprosy rekonstrukcii tekstov [Research in the field of Slavic antiquities. Lexical and phraseological issues of text reconstruction]. Moscow: Nauka, 1994. 340 p. (In Russian)
9. *Kovalevskij A.P.* Ibn Fadlan kak istoricheskij istochnik [Ibn Fadlan as a historical source] //Kniga Ahmeda Ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921-922 gg. Stat'i, perevody i kommentarii [The book of Ahmed Ibn-Fadlan about his journey to the Volga in 921-922. Articles, translations and comments]. Kharkiv: KhSU. 1956. pp. 38-71. (In Russian)
10. *Karpov A.Yu.* YAroslav Mudryj [Yaroslav the Wise]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2001. 782 p. (In Russian)
11. *Litvina A.F., Uspenskij F.B.* Pohvala shchedrosti, chasha iz cherepa, zolotaya luda... Kontury russko-varyazhskogo kul'turnogo vzaimodejstviya [Praise of generosity, skull cup, golden luda... Russian Russian-Varangian cultural interaction contours]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2018. 192 p. (In Russian)
12. *Makarov N.A.* Russkij Sever: tainstvennoe srednevekove. [The Russian North: the Mysterious Middle Ages]. Moscow: Nauka, 1993. 192 p. (In Russian)
13. *Mel'nikova E.A.* Ustnaya tradiciya v PVL: k voprosu o tipah ustnyh predanij.[Oral tradition in PVL: on the question of types of oral traditions] // Vostochnaya Evropa v istoricheskoy retrospektive [Eastern Europe in historical retrospect]. Moscow: Languages of Russian culture, 1999. pp. 153 - 165. (In Russian)
14. *Mihajlin V. Yu.* Russkij mat kak muzhskoj obscennyj kod [Russian mat as a masculine obscene code] //Zlaya laya maternaya...[The evil barking obscene ...] Moscow: Ladamir, 2005. pp. 68-137. (In Russian)
15. *Mihajlin V.Yu.* Russkij mat kak muzhskoj obscennyj kod: Problema proiskhozhdeniya i evolyuciya statusa.[Russian mat as a male obscene code: The problem of origin and evolution of status.] // Mihajlin V. Yu Tropa zverinyh slov: Prostranstvenno orientirovannye kul'turnye kody v indoevropskoj tradicii. [The Trail of Animal words: Spatially oriented cultural codes in the Indo-European tradition]. Moscow: New literary review, 2005, pp. 331-360. (In Russian)
16. *Nazarenko A.V.* O yazychestve slavyan. [On the paganism of the Slavs]. // Nazarenko A.V. Drevnyaya Rus' i slavyane [Ancient Russia and the Slavs]. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2009. pp. 298-314. (In Russian)
17. *Nikol'skij S.L.* O družinnom prave v epohu stanovleniya gosudarstvennosti na Rusi. [On the law of the militia in the era of the formation of statehood in Russia]. // Srednevekovaya Rus'. [Medieval Russia]. Issue 4. Moscow: Indrik, 2004. pp. 5-48. (In Russian)
18. *Novikova N.V.* Providencheskoe budushchee v «Povesti vremennyh let» i ego tvorcy. [The providential future in the "Tale of Bygone Years" and its creators]. // Vestnik TGTU [Bulletin of TSTU], Tambov: TSTU, 2004. Vol. 10. No. 4B. pp. 1251-1256. (In Russian)

19. *Petruhin V.Ya.* Varyazhskaya zhenshchina na Vostoke: zhena, rabynya ili «val'kiriya»? [Varangian woman in the East: wife, slave or "valkyrie"?] // Petruhin V.YA. «Rus' i vsi yazyci»: Aspekty istoricheskikh vzaimosvyazey: Istoriko-arheologicheskie ocherki ["Rus and all languages": Aspects of historical interrelations: Historical and archaeological essays]. Moscow: Languages of Slavic cultures, 2011. pp. 90-100. (In Russian)
20. *Petruhin V.Ya.* Drevnerusskij panteon: itogi i perpektivy mezhdisciplinarnykh issledovaniy. [The Old Russian Pantheon: results and prospects of interdisciplinary research.] // Petruhin V.YA. «Rus' i vsi yazyci»: Aspekty istoricheskikh vzaimosvyazey: Istoriko-arheologicheskie ocherki. ["Rus and all languages": Aspects of historical interrelations: Historical and archaeological essays]. Moscow: Languages of Slavic cultures, 2011. pp. 192-199. (In Russian)
21. *Petruhin V.Ya.* Drevnyaya Rus': narod, knyaz'ya, religiya [Ancient Rus: people, princes, religion.] // Iz istorii russkoj kul'tury. T. 1. (Drevnyaya Rus'). [From the history of Russian culture. Vol. 1. (Ancient Rus)]. Moscow: Languages of Russian culture, 2000. 760 p. (In Russian)
22. *Petruhin V.Ya.* Mify finno-ugrov [Myths of Finno-Ugric]. Moscow: Astrel, AST, Transitkniga, 2005. 463 p. (In Russian)
23. *Petruhin V.Ya.* O drevnerusskikh stereotipah v kul'ture: otnoshenie k inovercam i inorodcam. [About Old Russian stereotypes in culture: attitude to non-believers and foreigners]. // Petruhin V.YA. «Rus' i vsi yazyci»: Aspekty istoricheskikh vzaimosvyazey: Istoriko-arheologicheskie ocherki. ["Rus and all languages": Aspects of historical interrelations: Historical and archaeological essays]. Moscow: Languages of Slavic cultures, 2011. pp. 311-320. (In Russian)
24. *Petruhin V.Ya.* Pohorony rusa. Pogrebeniya znati Epohi vikingov v opisaniy Ibn Fadlana i dannykh arheologii [Funeral of Rus. Burials of the nobility of the Viking Age in the description of Ibn Fadlan and archaeological data]. // Petruhin V.YA. «Rus' i vsi yazyci»: Aspekty istoricheskikh vzaimosvyazey: Istoriko-arheologicheskie ocherki. [Rus and All Languages: Aspects of Historical interrelations: Historical and archaeological essays]. Moscow: Languages of Slavic cultures, 2011. pp. 73–89. (In Russian)
25. *Petruhin V.Ya.* Reprezentatsiya vlasti russkogo knyazya v drevnejshij period: Ibn Fadlan o vlasti russkogo knyazya i hazarskaya traditsiya. [Representation of the power of the Russian prince in the most ancient period: Ibn Fadlan on the power of the Russian prince and the Khazar tradition] // Petruhin V.YA. «Rus' i vsi yazyci»: Aspekty istoricheskikh vzaimosvyazey: Istoriko-arheologicheskie ocherki ["Rus and all languages": Aspects of historical interrelations: Historical and archaeological essays]. Moscow: Languages of Slavic cultures, 2011. pp. 101–111. (In Russian)
26. *Petruhin V.Ya.* Rus' v IX–X vv. Ot prizvaniya varyagov do vybora very [Rus in the IX–X centuries. From the vocation of the Varangians to the choice of faith]. Moscow: Forum; Neolithic, 2013. 464 p. (In Russian)
27. *Povest' vremennykh let. Tekst i perevod.* /pod red. V.P. Adrianovoj-Peretc. [The tale of bygone years. Text and translation / edited by V.P. Adrianova-Peretz], Ch 1. Moscow- Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1950. 407 p. (In Russian)
28. *Puzanov V.V.* Ot praslavyan k Rusi: stanovlenie Drevnerusskogo gosudarstva. [From the Ancient Slavs to Russia: the formation of the Old Russian state]. St. Petersburg: "Oleg Abyshko Publishing House", 2017. 752 p. (In Russian)
29. *Puzanov D.V.* Pogrebenie rusa v Povolzh'e i dve raznye strategii bessmertiya. [The burial of Rus in the Volga region and two different strategies of immortality]. // Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ya. [Historical and cultural heritage of the peoples of the Ural-Volga region]. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature UdmFIC UrO RAS. No. 2 (9) 2020. pp. 83-92. (In Russian)
30. *Pchelov E.V.* Oleg Veshchij. [Velikij viking Rus Oleg Prophetic. The Great Viking of Russia]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2018. 272 p. (In Russian)
31. *Rechi Vysokogo* [High-level Speeches] // Starshaya Edda. Eposy, legendy i skazaniya [The elder Edda. Epics, legends and tales]. Moscow: "AST Publishing House", 2023. Pp. 19-45. (In Russian)
32. *Saga o Sturlaue Trudolyubivom Ingolvssone* [The saga of Sturlaug the Industrious Ingolvsson]. // Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov. /pod red T.N. Dzhakson, I.G. Konvalovoj, A. V. Podosinova. T. 5. Drevneskandinavskie istochniki [Ancient Rus in the light of foreign sources. /edited by T.N. Dzhakson, I.G. Konvalova, A.V. Podosinova. T. 5. Old Norse sources]. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2009. 384 p. (In Russian)
33. *Saga ob Olave Tryugvassone* [The saga of Olav Trygvasson] // Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov. /pod red T.N. Dzhakson, I.G. Konvalovoj, A. V. Podosinova. T. 5. Drevneskandinavskie istochniki [Ancient Rus in the light of foreign sources. /edited by T.N. Dzhakson, I.G. Konvalova, A.V. Podosinova. T. 5. Old Norse sources]. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2009. 384 p. (In Russian)
34. *Sapronov P.A.* Russkaya kul'tura IX–XX vv. Opyt osmysleniya [Russian culture of the IX–XX centuries. The experience of understanding] St. Petersburg: Parity, 2005. 704 p. (In Russian)
35. *Slavyanskaya mifologiya* /nauch. red. V. Ya. Petruhin, T.A. Agapkina, L.N. Vinogradova, S.M. Tolstaya [Slavic mythology /scientific ed. V. Ya. Petruhin, T.A. Agapkina, L.N. Vinogradova, S.M. Tolstaya]. Moscow: Ellis Lac, 1995. 416 p. (In Russian)
36. *Stefanovich P.S.* Boyare, otroki, družiny: voenno-politicheskaya elita Rusi v X–XI vv. [Boyars, youths, squads: the military and political elite of Russia in the X–XI centuries]. Moscow: Indrik, 2012. 656 p (In Russian)

37. *Timoshchuk B.A.* Yazycheskoe zhrechestvo Drevnej Rusi (po materialam gorodov-svyatilishch). [Pagan priesthood of Ancient Russia (based on the materials of sanctuary cities)] // RA [RA], Moscow: Nauka, 1993, No. 4. pp. 110–121. (In Russian)
38. *Tolochko A.P.* Ocherki nachal'noj Rusi. [Essays of primary Russia]. Kiev, St. Petersburg: Laurus, 2015. 336 p. (In Russian)
39. *Halyavin N.V.* Yavlenie volhva v Novgorode v 1071 g. v ocenkah otechestvennykh istorikov. [The appearance of the Magus in Novgorod in 1071 in the estimates of domestic historians]. //Paleorosiya. Drevnyaya Rus' vo vremeni, v lichnostyah, v ideyah [Paleorosiya. Ancient Russia in Time, in personalities, in Ideas] No. 2 (22), St. Petersburg: SPbDA Publishing House, 2023. pp. 351–366. (In Russian)
40. Hristianizaciya Novgorodskoj zemli v IX–XIV vv. Pogrebal'nyj obryad i hristianskie drevnosti [Christianization of the Novgorod land in the IX–XIV centuries. Funeral rite and Christian antiquities]. St. Petersburg, Center "Petersburg Oriental Studies", 2002. 269 p. (In Russian)
41. *Shinakov E.A.* Mentalitet i pravo Drevnej Rusi: k interpretacii sobytij 1071 g [Mentality and the law of Ancient Russia: to the interpretation of the events of 1071] //Vestnik Bryanskogo gosuniversiteta.[Bulletin of the Bryansk State University]. Bryansk: Publishing house of BSU, 2016, No. 1. pp. 147–156. (In Russian)

Received 13.11.2023

Fogel A.S., Candidate of History, Associate Professor at Department of Philosophy and History
Samara State University of Economics
Sovetskoi Armii st., 141, Samara, Russia, 443090
E-mail: alexandr_fogel@inbox.ru